

Д.Е. Мартынов

Казанский (Приволжский) федеральный университет

**По ту сторону человеческого мира:
Кан Ю-вэй о «Небесном странствии» и Боге**

Последним трудом Кан Ю-вэй (康有為, 1858–1927), отразившим эволюцию философских взглядов мыслителя, были «Лекции о небесах» (*Чжунтянь цзян* 諸天講), законченные за девять месяцев до его кончины. Изданы они были посмертно, в начале 1930 г. По сравнению с «Книгой о Великом Единении» (*Да тун шу* 大同書), общий настрой и мировоззрение Кан Ю-вэй, отразившиеся в «Лекциях», изменились весьма существенно. В девяти из десяти частей *Да тун шу* весьма эмоционально и многословно повествуется о бедственном положении человечества и всех живых существ на Земле, а весь трактат пронизан мессианским духом. В «Лекциях» почти не затрагиваются подобные проблемы: достигнув порога семидесятилетия, Кан Ю-вэй осознал, что человек и сама Земля с её проблемами – суть пылинки на фоне бесконечной Вселенной, а интеллект человека и его чувственный опыт крайне ограничены, и не вмещают понятия о более высоких уровнях мироздания¹. В некотором смысле Кан Ю-вэй стал мистиком или, по крайней мере, метафизиком (в профанном значении этого слова), ибо отказался от решения мировых проблем, обратившись к тому, что называл «небесным странствием» (*тянь ю* 天游). Называть его мистиком можно по той причине, что в 1920-е годы он неожиданно отказывается от ранее декларируемого агностицизма и атеизма, и обращается к предельным вопросам бытия, в том числе и о наличии в мире верховного существа, неподвластного рациональному познанию.

Сама по себе идея «Небесного странствия» имела совершенно традиционные источники. По мнению Сяо Гун-цюаня, это было в первую

© Мартынов Д.Е., 2013

очередь влияние неоконфуцианской школы, преимущественно Лу Цзю-юаня. Вполне возможно, что его могли вдохновить следующие строки:

*Обратив взор ввысь, достигаю Южного Ковша²,
Распрямив плечи, упираюсь в Полярную звезду.
Подняв голову, смотрю за пределы неба,
Нет человека одной со мною натуры!³*

Пример весьма показательный.

Не менее важным было воздействие достижений западной науки, причём главным источником вдохновения стала астрономия, интерес к которой не угасал до конца жизни мыслителя. Сам Кан Ю-вэй приводил противоречивые сведения о начале знакомства с астрономией: в «Автобиографии» под 1884 г. изложена эзотерическая доктрина, в которой Вселенная бесконечна, а пространство-время – относительны; там же упоминается и микроскоп [2, с. 113]. В предисловии к «Лекциям о небесах» он писал, что впервые познакомился с телескопом в возрасте 28 лет, т.е. в 1885 г. [9, с. 12]. Можно также предположить, что некоторую роль в развитии интересов Кан Ю-вэй сыграла научная фантастика. В «Библиографии японских книг» (*цзюань* 14), опубликованной в 1896 г., упоминается роман Иноуэ Энрё (井上圓了, 1858–1919) «Записки о воображаемом путешествии в звёздные пределы» (*Сэйкай сою ки* 星界想游记) [8, с. 522].

Занявшись практической политикой (в 1895 г.), Кан Ю-вэй на несколько лет оставил свои прежние интересы, и вновь вернулся к астрономии уже в начале XX в. при написании *Да тун шу*. В тексте «Книги о Великом Единении» есть как минимум два упоминания «небесного странствия». Имеет смысл процитировать их.

«Ещё дальше неподвижные звёзды, звёздные скопления, туманности, газовые облака, сколь много всего на небесах! Не только мои глаза видели [звёздное небо], но и духом я странствовал среди звёзд. Их государства и жители, церемонии и музыка, литература, армии и войны, всё это слишком далеко от меня. Люди живут среди звёзд; хоть я не и способен встретиться с ними, но могу охватить их прозрением мудреца: вряд ли по чувствам и побуждениям мы сильно отличаемся от них.

В моих думах (扭) о небесах я воображал наиболее блаженнейшие миры (極樂之世界) и блаженствовал [вместе с их обитателями], [однако представлял и самые] ужасные миры, и стремился спасти [их обитателей]. Быть может, я – небесное существо, и мне следовало бы отречься от мира и Неба, от общества и человечества, и блаженствовать

в одиночку?!» [6, с. 4]. Далее в подстрочном комментарии дана прямая ссылка на «Лекции», где, правда, они названы «Небеса» (诸天).

В заключительном абзаце *Да тун шу* говорится дословно следующее: «После [достижения] Великого Единения, [человечество] начнёт изучать, как достичь бессмертия, а добившись того, изучать как достигнуть состояния Будды... После достижения состояния Будды, начнётся изучение небесного странствия. У меня есть специальная книга, [посвящённая этому вопросу]» [6, с. 292].

Ещё до написания «Книги о Великом Единении» и «Лекций о Небесах» идея бесконечной небесной иерархии появилась у Кан Ю-вэя в «Комментарии к *Чжуньюю*» (中庸注), где учение о бесконечных мирах, в которых странствуют бессмертные, приписано Конфуцию. В *Да тун шу* данная идея конкретизируется: «небесное странствие» является уделом и заслугой совершенного мудреца, который исполнил своё земное предназначение – довёл общество до райского состояния. Такой мудрец напоминает буддийского бодхисатву тем, что сохраняет озабоченность земными делами, достигнув высшего совершенства. Эти вопросы беспокоили Кан Ю-вэя постоянно, о чём свидетельствует «Песнь о подъёме на воздушном шаре над Парижем» (巴黎登汽球歌), написанная, вероятно, в 1904 или 1905 г.⁴:

*Множество небесных миров – рай обетованный,
Но каждый звёздный мир сам по себе.*

.....
Сотни миллионов кальп миновали

Без радости и насыщения, лишь в стремлении к удобству.

Моё сердце, не переносящее страданий, вопиёт и не успокаивается,

Я вновь спускаюсь в земную юдоль⁵, дабы спасти народ.

И в грядущих перерождениях ищущий страстей и искушений⁶.

Разве не того же желают святые небожители?!

В установочном номере журнала «Не могу переносить!» (不忍杂志), выпускавшегося в 1913 г., Кан Ю-вэй поясняет свою позицию. Земля – ничтожный мир, песчинка в бесконечной Вселенной, поэтому её обитатели слишком ничтожны, чтобы быть достойны беспокойства со стороны Неба. Однако совершенные мудрецы не могут не испытывать жалости и беспокойства по поводу несовершенства человеческого рода, и желают освободить его от боли и страданий. Очевидно, что одним из таких мудрецов осознавал себя Кан Ю-вэй, о чём предельно откровенно сказано в *Да тун шу*, не предполагавшейся к прижизненной публикации. Однако все попытки Кан Ю-вэя активно участвовать в историческом процессе неизменно приводили к фиаско: помимо трагических событий 1898 г., в которых мыслитель потерял

единственного брата и нескольких учеников, провальными оказались попытки восстаний в 1900–1901 гг., создание монархической партии было также обречено на поражение, наконец, участие Кан Ю-вэя в реставрации маньчжурской династии летом 1917 г. в очередной раз привело его к внесению в расстрельные списки. После этого Кан Ю-вэй вообще отрешается от мира. Показательно, что купленный им в Ханчжоу участок земли Кан Ю-вэй назвал «Садом всего неба» (一天園), а свой дом назвал «Залой небесного странника» (天游堂). Не случайно, что и авторское предисловие к «Лекциям» подписано «Отшельник – небесный странник Кан Ю-вэй» (天游化人康有為)⁷.

Кан Ю-вэй сам отслеживал изменения жизненных приоритетов. В письме баптистскому миссионеру Т. Ричарду (李提摩太) от 26 февраля 1923 г. он писал, что уже достиг преклонных лет, не смог найти достойного применения себе на службе родной стране и даже не нашёл места на земле, где мог бы похоронить свои печали; единственным упованием его остаётся небесное странствие⁸. Вскоре похожие мотивы зазвучат в его послании экс-императору Пу-и: «Я каждодневно практикую небесное странствие, избавился от досады и тоски человеческого мира, и не намерен возвращаться туда, где не звучит музыка небесных сфер» [5, с. 221].

Из этого, однако, следуют и более серьёзные вещи. Выступая в Шэньси в 1923 г., Кан Ю-вэй заявил, в частности, что «...с появлением Коперника мы получили знание о том, что Земля является лишь одной из планет вокруг Солнца; древнее знание о том, что существуют только Небо и Земля, разрушено... Звёзды столь велики и многочисленны, что земной шар [по сравнению с ними] чрезвычайно мал. <...> Поэтому, как только человек обращается к изучению астрономии, все религии утрачивают [всякий смысл]» [5, с. 222–223].

Ученик Кан Ю-вэя – Тан Сю (唐修) в послесловии к «Лекциям» оставил важное свидетельство. По его словам, однажды в 1926 г., в лунную ночь, Кан Ю-вэй созвал всех своих учеников в Академии Небесного странника, которая располагалась в том же доме, где он жил. «Учитель сказал: „Поистине, прекрасно; так можно двигаться дальше“. Он взял телескоп и заставил [учеников] заглядывать в него одного за другим, обозревая Млечный путь, Луну и звёзды, заливавшие всё вокруг своим сиянием; в ту ночь, казалось, они отстояли не далее чем на *чи* [от собравшихся], никто не смог удержаться от восторгов. Учитель рассадил всех направо и налево [от себя] и проговорил с улыбкой: „Люди, рождённые между небом и землёй, не равны по уму и глупости, но, несмотря на все различия, обречены всю жизнь тяжело трудиться. Сколь бы ни была утончённой их наружность, [на лицах

всех одинаково] сменяют друг друга горести и радости, волнуют они и бьющееся внутри сердце. Те, [чей дух] мелок, беспокоятся о себе и родных; те, [чей дух] возвышен, беспокоятся о судьбах государства и всей Поднебесной; но всегда печалей и горестей много, а радостей мало. Однако можно заметить, что у возвышенной природы сердце спокойно. Если бы моё сердце не было привязано к внешней стороне вещей, я мог бы летать в облаках, и запрячь *фэй-луна*⁹, чувствовать себя, как дома, на всех вышних небесах, свободно паря в их бесконечности. Тогда, оглянувшись назад, я смог бы увидеть, что моё тело, моя семья, моя страна и даже моя Земля [в масштабах Вселенной], не больше, чем комары и мошки по сравнению с горой Тайшань...“» [9, с. 132]¹⁰.

Данный пассаж хорошо иллюстрирует учение Кана в 1920-е гг. Окончательно разочаровавшись в попытках спасти окружающий мир политическим путём, он преобразуется в пророка (много соответствующих пассажей содержится и в первой части *Да тун шу*, опубликованной ещё в 1913 г.). Факт основания третьей – и последней в жизни Кан Ю-вэя – академии в 1926 г., свидетельствует, что он решил предать гласности своё эзотерическое учение и пытался проповедовать его как можно шире. Дочь Кан Ю-вэя – Кан Тун-би, в хронологическом жизнеописании отца под 1926 г. фиксирует следующее его обращение к одному из студентов: «У Иисуса было [только] 12 учеников, и среди них предатель Иуда. Тем не менее, он был в состоянии сделать свою религию преобладающей, и распространять разработанное им учение на всю Поднебесную. Здесь, в Шанхае, у меня менее двадцати учеников, я не думаю, что этого слишком мало. Если они истинно уверуют в мои слова и передадут моё учение, то сделают то, что Нагарджуна [сделал для буддизма], и Павел [для христианства], и последствия этого будут ощущаться спустя 10 000 поколений» [5, с. 223].

Таким образом, учение Кан Ю-вэя мало изменилось по сравнению с изложенным в *Да тун шу*: его главная цель – помочь людям освободиться от страданий, которые отягощают их с момента прихода в этот мир. Данное *sredo* изложено в предисловии к «Лекциям»: «Рождённый небом, человек обладает желаниями; но разве может он избежать [поиска удовлетворения желаний] и утолить их? Так как его желания не находят удовлетворения, он не может избежать борьбы, а борьба не может не привести к хаосу. [Даже] одна война – это ужасная трагедия, ибо на ней люди умирают миллионами. В борьбе за существование (生存竞争) мясо слабого становится пищей сильного¹¹. Поэтому все основатели религий, скорбящие [о че-

ловечестве] и желающие его спасти, лживо ссылались (矫托) на высшее небо и открывали школы божественного пути (神道设教), пугали концом света и преисподней, вели при помощи обещаний блаженства царства небесного, шести кругов перевоплощений (六道轮回), заманивали обещаниями рая Чистой Земли. Всё это они делали, чтобы успокоить сердца людских масс, и спасти их души. Эзотерические и экзотерические секты буддизма добиваются одного и того же – все они уводят людей от тревог и скорбей, искореняют их боль и огорчения, указывают на величайшую радость как на конечную цель. Это подобно раздаче варёного риса голодающим или лекарств больным, однако нецелесообразно [поскольку не решают проблем, порождающих голод и болезнь]. Происходит это потому, что основатели религий не знали, что наша Земля – это планета¹² в небесах, а человечество – сонм небесных существ; лекарство потому едва ли соответствует болезни» [9, с. 12].

Теория изменилась мало, однако изменился её носитель. По сравнению с бесконечным нагнетанием ужасов, характерным для *Да тун шу*, «Лекции» намного оптимистичнее. Пусть проповеди Кан Ю-вэя достигали лишь двух десятков учеников (да и те не разделяли идей учителя), сам он, очевидно, пребывал в приподнятом состоянии духа. Не случайны литании всем небесным телам, щедро разбросанные по тексту «Лекций», причём и в стихах, и в прозе. Провозгласив человечество «рождённым небесами», он ещё более укрепился в своём вселенском оптимизме. Подобные взгляды означают дальнейшую эволюцию гедонистического мировоззрения Кан Ю-вэя, который ещё в *Да тун шу* заявил, что единственная цель человеческой жизни – «избегать страдания и искать удовольствия». Если ещё в 1910-е гг. мыслитель желал принести счастье человечеству путём социальной реформы, то к середине 1920-х перешёл к призывам отрешиться от общества и уйти в звёздные области, свободные от конфликтов, борьбы и разочарований. Сяо Гун-цюань полагал, что это было в некотором роде «признанием поражения..., хотя и в терминах одержанной победы» [4, р. 179].

Достигнув порога семидесятилетия и ощущая близость физической кончины, Кан Ю-вэй не мог не задаваться предельными вопросами бытия. Интерес к астрономии привёл к очень интересному результату: Кан Ю-вэй отказался от скептического отношения к религии, заметного ещё в *Да тун шу*. Обратившись к сциентистской проблематике в 1880-е гг., он описывал природу человека и социальные отношения в терминологии, которая могла бы характеризовать его как вульгарного материалиста¹³. Поверхностное знакомство

с западной наукой как будто бы должно было подпитывать материалистические взгляды, однако на практике получилось наоборот. Взявшись за решение собственно философских задач, Кан Ю-вэй убедился в неадекватности применения научного метода к проблемам, связанным с нематериальным миром. Не случайно потому появление в «Лекциях» короткой гл. 11 – «Бог» (上帝篇).

Рассуждая о бытии Бога, Кан Ю-вэй ссылается на двух западных мыслителей: Аристотеля (亞利士多德), в философии которого перво двигателем (原動力) Вселенной, с её хрустальными небесами, является Бог, и на Клавдия Птолемея (托尔美), теория которого изложена на редкость невнятно [9, с. 92]. Далее Кан переходит к пяти доказательствам бытия Божьего (онтологическому, психологическому, космологическому, физико-богословскому и этическому), но находит их недостаточными, и заявляет: «Исходя из нашего опыта, мы не можем утверждать ни несуществования Бога, ни Его существования» [9, с. 93]. Его рассуждения позволяют думать, что он был в той или иной степени знаком с доказательствами Фомы Аквинского (несомненно, почерпнутыми из общения с миссионерами), а также И. Канта, хотя познания Кана о философии кантианства были очень поверхностными. Парадоксально, но Кан Ю-вэй, видимо, понятия не имел, что в философии Канта бытие Божье утверждалось по моральным соображениям – знаменитое этическое доказательство! Кант прямо писал, что все попытки использования разума в теологии являются совершенно бесплодными.

Представлениям Кан Ю-вэй о европейской философии посвящена секция «Высказывания о Боге европейских философов» (歐洲哲學家之言上帝). Он утверждал, что по вопросу о бытии Божьем все западные философы разделяются на последователей монотеизма (一神论) и пантеизма (泛神论). К пантеистам он причисляет Спинозу (斯宾挪) и Гёте (歌德). Знает Кан Ю-вэй и о Бергсоне (柏格森), приписывая ему учение о том, что Бог есть непрерывный поток изменения; изменению мира соответствует непрерывное изменение самого Бога [9, с. 93].

Монотеистов Кан Ю-вэй разделяет на две школы: «учения об эманации» (流发说) и «учения о творении» (创造说). В качестве последователей «учения об эманации», Кан Ю-вэй ссылается на неоплатоников (新伯刺图主义), Спинозу (斯贤挪), который только что причислялся к пантеистам, Шеллинга (雪林) и Гегеля (黑格尔). Доктрина «учения о творении» лежит в основе монотеистических религий – иудаизма (犹太教), христианства (耶稣教)¹⁴ и мусульманства (摩诃末教) [9, с. 93].

Сразу после этого Кан Ю-вэй поставил три вопроса, касающихся доктрины монотеизма (приводим их в авторской постановке, иногда весьма туманной). Первый из них: если мир является результатом Божественного творения, когда этот процесс начался? Второй вопрос: если человек обладает свободой воли, то это противоречит божественному всеведению и всемогуществу, ибо эти понятия несовместимы. Третий вопрос: если основываться на доктрине эманации, рано или поздно настанет «день освобождения рода человеческого» (人类解脱之日), который также станет «днём освобождения Бога» (上帝解脱之日). Согласно же учению о сотворении, Бог находится вне тварного мира, стало быть, даже если человечество добьётся искупления (赎罪), то это не более чем искупление твари. Каким же образом это стыкуется с положением Бога? [9, с. 93] Данные вопросы Кан Ю-вэй полагал неразрешимыми, на этом заканчивается изложение западных доктрин.

Как видим, собственные взгляды Кан Ю-вэй были весьма неопределёнными. Из постановки богословских вопросов следует, что он если и не был апологетом пантеизма, то был весьма равнодушен к учению, которое приписал Бергсону. Бергсон был известен в Китае того времени: переводы его основных работ были опубликованы Чжан Дун-сунем (張東蓀, 1886–1973) в начале 1920-х гг. Впрочем, можно с уверенностью сказать, что с этими переводами Кан Ю-вэй знаком не был, и судил о философии Бергсона понаслышке. Поскольку Кан Ю-вэй ещё с XIX в. был горячим приверженцем теории прогресса и эволюционизма, интерес к Бергсону совершенно не случаен. Для более глубоких выводов, однако, никаких оснований нет.

Краткая вторая секция гл. 11 обозначена весьма категорично: «Бог должен существовать» (上帝之必有), однако здесь излагается доктрина предопределения. В этой секции Кан Ю-вэй атакует П.-С. Лапласа (拉伯拉室) за отказ принять гипотезу о Творце мира¹⁵. Кан Ю-вэй показывает, что понятие о Боге является общим для всех стран мира, в Китае Он обозначается термином «Небо», а синонимом является *чжу-цзай* (主宰). Всё это обосновывается ссылками на *Ши-цзин*, Мэн-цзы и буддийские каноны [9, с. 93]. Лаплас, по Кан Ю-вэй, разделял механистическую теорию Ньютона, и был не прав потому, что во Вселенной существуют вещи, абсолютно непостижимые человеческими органами чувств, в то время как люди, живя на песчинке-Земле, обладают лишь ограниченными познаниями [9, с. 93]. Далее следует такое рассуждение: «О судьбе: великий Аристотель и Лейбниц (来布尼兹) полагали, что Небом всё определено заранее, т.е. то же самое, что и наш народ в прошлом, и это подобно нашим

гадательным книгам (《前定录》 и 《定命录》), физиогномике (看相), предсказанию судьбы (算命), гаданию на триграммах (占筮); это соответствие поразительно. В *Чжунъюне* сказано: „Дао совершенной искренности даёт возможность узнать грядущее“¹⁶ [9, с. 94]. По сути, данное утверждение противоречит тому, о чём Кан Ю-вэй писал ранее, горячо осуждая астрологию и гадательные практики в первой главе «Лекций» и радуя за применение научного метода. Такие противоречия вообще характерны для творчества Кан Ю-вэя. Например, в гл. 11 он вообще не привёл никаких рациональных доказательств существования Бога, которые традиционно использовались христианами миссионерами; о естественной теологии он не имел ни малейшего понятия. Повторил он и старый тезис времён тайпинского восстания и «самоусиления», что все религии свидетельствуют о существовании Бога, и в древности в Китае был распространён монотеизм. Учёные – Ньютон (奈端), Лаплас и Дарвин (达尔文), описывали мир с механистической точки зрения и отрицали или сомневались в наличии сверхчувственно воспринимаемых феноменов, потому что не нашли тому доказательств в исследовании видимой стороны мира. «Спрашивается, почему Ньютон, Лаплас и Дарвин были в состоянии понять лишь род вещей, которые имеют материальную природу; разве способны они постичь нематериальные сущности? Чжуан-цзы сказал: „В жизни человека есть берега, его знание берегов не имеет“¹⁷. Познания Ньютона, Лапласа и Дарвина были чрезвычайно малы, как же они могли возжелать познать Небо во всей полноте? Как же могли они решить, что Бога нет? Они лишь показали пределы своего незнания» [9, с. 94].

Этот пассаж любопытно сравнить с завершающим гл. 12: «Небо начала всех начал (元元天)¹⁸ лишь пылинка¹⁹ перед неизмеримостью всех небес; Галактики (涡云天)²⁰ – как пылинка перед [внегалактическими] небесами; Млечный путь – как пылинка перед 160 000 галактик; Солнце – пылинка перед 200 миллионами [звёзд] Млечного пути; Земля – лишь пылинка перед Солнцем. Все основатели религий – пылинки перед необъятностью Земного шара, хотя и почитаются на его поверхности, однако лишь ненамного превосходят мудростью массы, копошащиеся [у их ног]. Все основатели религий – так же тварны (一生物), [как прочие живые существа], их мудрости положен предел. Во всей вселенной несчётное число основателей религий, почитаемых на своих планетах, их больше, чем песчинок на берегу реки, это невозможно себе представить. Их мудрость настолько превосходит мудрость основателей религии на нашей Земле, что и это невозможно себе представить. Но их беспредельная муд-

рость имеет свои пределы и ограничения...²¹ Поэтому Конфуций сказал: „Обладаю ли я знанием? Нет, не обладаю“²². Он поистине поступил как мудрец!» [9, с. 101].

Данная обширная цитата необходима для иллюстрации изменения мировоззрения Кан Ю-вэя. В «Автобиографии» он писал под 1876 г. (когда ему было 19 лет): «...Я искренне считал, что смогу стать мудрецом, перечитав все книги ещё до того, как мне исполнится тридцать лет, что я один способен утвердиться в этой жизни и переделать этот мир» [9, с. 103]. Смирение перед масштабами Вселенной, правда, не мешало ему посягать на высшие авторитеты земной науки, но в рамках учения самого Кан Ю-вэя не было никаких противоречий. Обращение Кан Ю-вэя к вопросам богословия было случайностью, но собственно вопрос существования Бога решался им ещё в 1890-е годы, когда он только выстраивал своё мировоззрение. Для Кан Ю-вэя богословие не значило ничего (или почти ничего), но в вопросе о Боге он охотно бы присоединился к мнению И. Канта: вера в Бога не вопрос умозрения, а моральная необходимость. Кан Ю-вэй, кажется, не придерживался какого-либо конкретного вероисповедания (конфуцианский культ предков здесь не в счёт), но переход к «Небесному странствию» после провала проекта создания совершенного общества выглядит совершенно естественным.

Примечания

¹ Нечто подобное описывали в биографии Кана его дочь Кан Тун-би и ученик Чжао Фэн-тянь [2, с. 306].

² *Нань-доу* (南斗) – созвездие традиционной китайской астрономии, охватывающее пять звёзд в созвездии Стрельца.

³ Дословно: 无我这般人. Стихотворение приводится Хуаном Цзун-си в известном трактате *Сун-Юань сюэань* (宋元学案), *цзюань* 58. Цит. по [10, с. 147].

⁴ См.: *Кан Ю-вэй сяньшэн ши цзи* 康南海先生诗集 (Собрание стихотворений господина Кан Ю-вэя), *цз.* 7 [9, с. 249].

⁵ «Земля – тюрьма» (地獄), образ, весьма характерный для *Да тун шу*.

⁶ *Фаньнао* 烦恼 – эпитет из буддийского лексикона, означающий неразумие тех, кто не просветлён и является игрушкой страстей. Используется в *Да тун шу*.

⁷ Псевдоним крайне двусмыслен: *хуажэнь* 化人 – это не просто «отшельник», но «святой небожитель» и даже «бодхисатва» (в буддийском лексиконе). Есть и антиномическое значение: «мертвец». Сяо Гун-цюань предпочёл строгий буквализм перевода: *A Heaven-roaming Transfigured Man*.

⁸ Полный текст письма приведён в компендиуме Кан Тун-би *Кан Наньхай сяньшэн нянь-пу сюйбянь* (康南海先生年谱续编) [5, с. 219–220].

⁹ *Фэй-лун* 飛龍 – одна из разновидностей мифического дракона.

¹⁰ Точную дату восстановить затруднительно: в сентябре-октябре 1926 г. Кан Ю-вэй был в Пекине у дочери Тун-би, всё остальное время он жил в Шанхае.

¹¹ По мнению Сяо Гун-цюаня, это одна из немногих явных отсылок к дарвинизму в трудах Кан Ю-вэя [4, р. 176]. Заметим, что это почти буквальное повторение того, что уже написано в *Да тун шу*.

¹² Дословно «звезда».

¹³ Здесь следует оговориться, что в рукописи начала 1890-х гг. *Ши ли гун фа цюань шу* 實理公法全書 (Полная запись об основной истине и всеобщем законе) Кан Ю-вэй в секции «Обряды и церемонии» находит место на рассуждение об истинном имени Божьем, и приходит к выводу, что *Шан-ди* (上帝) является истинным, а транскрипции с иврита и латинского языков – Иегова и Deus – нет.

¹⁴ Собственно, «протестантизм».

¹⁵ Кан Ю-вэй, вероятно, был знаком с анекдотом о беседе Наполеона с Лапласом, в ходе которой Первый консул Франции спросил: «Вы написали такой огромный труд по системе мира, но ни разу не упомянули его Творца?!» Лаплас ответил: «Я не нуждался в этой гипотезе». Комментируя этот эпизод, французский астроном Эрве Фай убедительно показал, что Лаплас тогда говорил не о бытии Божьем как таковом, а о теории И. Ньютона. Математический аппарат Ньютона не позволял объяснить устойчивости Солнечной системы, после чего мистически настроенный сэр Исаак вынужден был признать Божье вмешательство в небесную механику. Своими трудами Лаплас снял необходимость такого вмешательства, но при этом он никогда не был атеистом, и заявлял, что «гипотеза Бога позволяет объяснять многие другие вещи» [3, р. 109–111].

¹⁶ *Чжунъюн, чжан* 24. Использован перевод А.Е. Лукьянова [1, с. 60].

¹⁷ Чуть подправленная Кан Ю-вэем цитата из начала гл. III *Чжуан-цзы*.

¹⁸ В космологической системе Кан Ю-вэя, изложенной в гл. 10 «Лекций», Небо начала всех начал – самый высокий уровень иерархии мироздания, которому может быть дано собственное имя.

¹⁹ Буддийский термин *вэй-чэнь* 微尘.

²⁰ Кан Ю-вэй обозначает так галактики вне Млечного пути.

²¹ Далее следует исправленная Кан Ю-вэем цитата из начала гл. III *Чжуан-цзы*.

²² Лунь юй. IX, 8.

Библиография

1. Конфуцианский трактат «Чжун юн»: переводы и исследования / Сост. А.Е. Лукьянов. М.: Вост. лит., 2003.
2. Мартынов Д.Е. Кан Ю-вэй: Жизнеописание. Казань: Институт истории АН РТ им. Ш. Марджани, 2010.
3. Faye H. Sur l'origine du monde, th?ories cosmogoniques des anciens et des modernes. P.: Gauthier-Villars etfils, 1884.

4. *Hsiao Kung-chuan*. A Modern China and a New World: K'ang Yu-wei, Reformer and Utopian. 1858–1927. Seattle, L., 1975.
5. *Кан Ю-вэй* 康有为. Во ши 我史 (Моя история). Нанкин: Цзянсу жэньминь чубаньшэ, 1999.
6. *Кан Ю-вэй* 康有为. Да тун шу 大同书 (Книга о Великом Единении). Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2005.
7. *Кан Ю-вэй* 康有为. Чунь-цю Дун-ши сюэ 春秋董氏学 (Учение г-на Дун [Чжун-шу] о «Веснах и осенях») // Кан Ю-вэй цюаньцзи 康有為全集 (Полное собрание сочинений Кан Ю-вэй). Т. 2. Пекин: Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, 2007.
8. *Кан Ю-вэй* 康有为. Жибэнь шуму чжи 日本书目志 (Библиография японских книг) // Кан Ю-вэй цюаньцзи 康有為全集 (Полное собрание сочинений Кан Ю-вэй). Т. 3. Пекин: Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, 2007.
9. *Кан Ю-вэй* 康有为. Чжу-тянь цзян 诸天讲 (Лекции о небесах) // Кан Ю-вэй цюаньцзи 康有為全集 (Полное собрание сочинений Кан Ю-вэй). Т. 12. Пекин: Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, 2007.
10. *Сяо Гун-цюань* 萧公权. Цзиньдай Чжунго юй синь шицзе: Кан Ю-вэй бяньфа юй Датун сысян яньцзю 近代中国与新世界: 康有为变法与大同思想研究 / 汪荣祖译 = *Modern China and a New World: Kang Youwei, Reformer and Utopian*. Нанкин: Цзянсу жэньминь чубаньшэ, 1997.